

Моск. комсомолец. — 1998. — 20 ноября. — с. 4

МЕМОУАРЫ

Юная девица Берс, выходя за графа, переполненного не только впечатлениями народной жизни, но и богатейшим эротическим опытом, избрала в известном смысле путь жертвенный. Ревнуя мужа даже к сестре своей Тане, 20-летняя Соня подавляла в себе приступы отчаяния. Возможно, обладая чувством юмора, она легко могла бы разрядить обстановку. Но, по впечатлениям многих, юмор часто ей изменял.

Софья Андреевна стала выдающейся матерью, родив 13 детей. Тринадцать лет почти сплошной беременности, тревоги за детей, ответственность за огромный дом, забота о множестве гостей, стремление во что бы то ни стало поддерживать уровень собственной просвещенности — на все нужны были недюжинные силы. Кто измерит страдания матери при потере новорожденной Вари и троих маленьких сыновей? А позже последовало неутешное горе — смерть 7-летнего любимца Ванечки и дочери Марии Львовны в 1906 году.

Всю жизнь Софья Андреевна писала дневники, а в 1904 году приступила к воспоминаниям для потомков "Моя жизнь". Все рукописи этих мемуаров находятся в Музее Льва Толстого на Пречистенке. Научные сотрудники Берта Шумова, Ольга Голиненко и ныне покойная Ирина Покровская подготовили рукопись к публикации и составили подробный комментарий. Первая публикация состоялась в "Новом мире" при Сергее Наровчатове в 1978 году, а потом в 90-м — в альманахе "Прометей".

В девятом номере "Октября" напечатаны три главы из "Моей жизни" (даны только воспоминания о событиях 1864, 1865 и 1900 годов).

— В чем сенсационность этой публикации? — спросили мы у Ольги Голиненко.

— Впервые воспоминания Софьи Андреевны напечатаны без сокращений и редакторской правки, с уважением к тексту и к стилю мемуаров. Это было непереносимым нашим условием — не навредить тексту.

— Неужели посмели резать текст жены Толстого?

— Еще как резали — и в "Новом мире", и в "Прометее".

Ольга Голиненко показала машинописные экземпляры "Моей жизни", возвращенные редакцией "Нового мира" и "Прометей". Ну, скажу вам, зрелище: целые страницы вычеркнуты с пометкой на полях "Снять!". Что вычеркивали? Живые сцены, разрывавшие хрестоматийное представление о Толстом как о зеркале русской революции.

Мы впервые публикуем фрагменты неугодных советской цензуре текстов из рукописи Софьи Андреевны.

1862 год
"Очень я боялась в первое время, как говорится, опуститься нравственно; Лев Николаевич, по-видимому, тоже старался меня заинтересовать всякими отвлеченными занятиями. Так, например, он затеял по вечерам читать вслух тетеньке и мне "Отверженных" Гюго. Меня очень интересовал этот прелестный, затрагивающий столько сторон человеческой жизни роман. Но и тут немощь моей беременности подавляла меня. Я засыпала часто вечером, лежа у ног Льва Николаевича на разостланной у его кресла большой шкуре черного медведя, положив свою голову на голову зверя, который когда-то чуть до смерти не загрыз Льва Николаевича, и подложив руку под щеку. Как совестно мне было, что я не могу преодолеть сна. Ни Лев Николаевич, ни я не знали тогда, что беременные всегда очень сонливы, и он мог приписать мой сон невниманию и отсутствию интереса ко всему умственному. Каждое утро Лев Николаевич, как и потом всю свою жизнь, уходил после кофе вниз, в свой кабинет, под шторами, и занимался своими сочинениями. В то время у него была еще привычка брать с собой стакан чая и, куря, пить маленькими глотками. Но и на это время Лев Николаевич не хотел тогда расставаться со мной; я брала работу и шла тоже вниз, садилась на диван и молча работала, глядя с любовью на мужа. Мне никогда в голову не приходило, что могло быть иначе..."

...В дневнике моем я пишу: "Сегодня мне все смешно, все нипочем, а он, Лев Николаевич, сердится. Он стар и сосредоточен, а я сегодня молода, и мне нужно чего-то сумасшедшего. Я боюсь его..."

Мне так хотелось всячески служить Льву Николаевичу, что я еще взяла на себя труд набивать ему папиросы. От этого делался у меня насморк, болели глаза, тошнило меня, но я не оставляла этого делать, так как Лев Николаевич говорил, что ничто лучше меня не набивает папиросы".

За что цензура долгие годы кромсала воспоминания жены Льва Толстого?

1865 год
(Цитируем фрагменты. Целиком глава опубликована в журнале "Октябрь", №9, 1998. — Ред.)

"Тоска"

Помню я, как в феврале этого года я вдруг начала страшно тосковать. Моей маленькой Тане было пять месяцев. Лев Николаевич был тоже очень вял и вечерами засыпал, а я, положив детей, бродила по дому и, полная всяких молодых желаний, только в мечтах удовлетворяла их. Состояние это меня, двадцатилетнюю бабенку, тогда очень испугало. "Неужели и я попаду в категорию тех дам, которые, не находя в себе никаких ресурсов, скукают в деревне и стремятся за границу или в город?" — мучительно спрашивала я себя и боролась с тоской изо всех сил. Одно время мы по вечерам играли в четыре руки симфонию Гайдна и Моцарта, что полегче, так как я тогда играла еще очень плохо, Лев Николаевич сердился за то, что я так дурно такт держу, и говорил, что мою учительницу музыку надо за это бить по голове салыной свечкой. Но я просто плохо разбирала и не могла поспевать за ним. Теперь он за мной не поспевает; впрочем, мы только раз с ним играли в эту зиму.

Иногда Лев Николаевич читал нам с тетенькой вслух. Но в это время моей тоски он и то перестал делать. Он был очень занят и утомлялся работой над "Войной и миром", так что по вечерам уже только дремал в кресле. Переписав то, что было нужно на этот вечер, я иногда выбегу на воздух и одна пройдусь вокруг дома; зимняя застывшая природа, тишина, пустыньность какая-то еще более уси-

В несчастиях и драмах великих людей принято винить их жен. Софье Андреевне Толстой не досталось любви народной. А если задуматься: каково обыкновенной женщине прожить долгую жизнь рядом с гением?

сив даже меня, чего я желаю, Лев Николаевич обратил к мне и сказал: "Ты, разумеется, дома останешься?" Я видела, что места больше нет, и, едва сдерживая слезы, ничего не ответила. Но только что все отъехали, я принялась так горько плакать, как плачут дети; плакала долго, мучительно и не забывая этих слез и до сих пор, хотя с того времени прошло больше сорока лет...

В Покровском

...Страшно я тогда заскучала без Льва Николаевича. Я до такой степени чувствовала себя частью его, так страстно его любила, что вся жизнь казалась мне ничтожной, все ни к чему — без него. Писала я ему ежедневно и больше всего о том, как я его люблю, как беспокоюсь о нем и прошу беречь себя. Больше любви женщина не может испытать, как та, которой я любила Льва Николаевича. Но та радость, которая поднималась во мне при виде его где бы то ни было, ожиданно или тем более неожиданно, была радость, освещавшая долго-долго мою жизнь...

И где бы и с кем бы мы ни жили, полное счастье было тогда, когда мы снова оставались вдвоем. Так, например, погостив еще у Дьяковых, он пишет где-то: "Вернулись с Соней в Никольское, я так этому счастлив". И тогда же пишет: "Я так счастлив, как бывает один из миллионов людей..."

Охота в Никольском

Всю осень в Никольском Лев Николаевич охотился; а то в октябре мы опять для охоты поехали в Покровское, к Машеньке, и он затравил там лисицу и зайцев и радовался этому. Пригласил он раз и меня на охоту с гончими и борзыми в Никольском. Поставил меня с двумя борзыми на опушке леса и дал свору борзых на веревочке. Собаки рвались, я едва их сдержала. Стою, смотрю, слушаю. Вдруг гончие погнали с лаем и визгом прямо на меня. Бегу лорнет неловко левой рукой, правая же едва держит уже рвущихся изо всех сил борзых. Смотрю — мягкими шагами тихо выходит из леса лисица. Увидав меня, она останавливается. Не зная правил охоты, необходимости выждать, я страшно изволовалась и пустила собак. Лисица мягко повернула хвостом и ушла опять в лес.

Вдруг скачет Лев Николаевич — недовольный, в каком-то азарте: "Злодейка, оттопала лисицу!" — кричит мне он. И долго не мог он мне простить, что я рано спустила борзых и дала уйти лисице...

В 1978-м и в 1990 годах цензура запретила страницы о религиозных чувствах Толстого, подробности семейных трений и разногласий; подверглись цензурской кастрации места, посвященные интимным взаимоотношениям пожилых супругов.

1877 год

"Высокое настроение"

Но общее настроение Льва Николаевича было очень хорошее и высокое. Он так строго соблюдал посты, что в конце Страстной недели ел один ржаной хлеб и воду, и большую часть дня проводил в церкви. Детей он этим тоже заражал, и я, даже беременная, строго постилась, что мне было с детства привычно и даже радостно.

Кроме постов строго соблюдался Львом Николаевичем и среды, и пятницы. Ежедневно он становился на молитву. Я, бывало, засну, потом проснусь, вижу, он все стоит и молится. Постоянно он говорил о духе смирения и единстве с народом...

1881 год

"Новое настроение Льва Николаевича проявилось еще в том, что он вдруг начал раздавать много денег без разбора всем, кто просил. Пробовала я его убеждать, что нужно же как-нибудь регулировать эту раздачу, знать кому и зачем даешь, а он упорно отговаривался изречением Евангелия: "просящему дай".

Помню я, как дважды приходит телятинский мужик, Андрей, пьяный и извещный вор, просит денег. И когда во второй раз Лев Николаевич дал ему три рубля, он напился пьян, буянил и до полусмерти избил жену. Все это мне не нравилось, и я начала бояться, что Лев Николаевич лишится рассудка. Это всегда начинается с швыряния и растраты денег. Приезжавший ко мне с женой Пати и сыном Андриушей брат мой, Саша, еще больше напугал меня, сказав, что нашел огромную нравственную перемену в Льве Николаевиче, и что страшно за его рассудок. О себе я пишу: "а у меня тоже что-то затемилось в голове, и я боюсь, что или умру, или сойду с ума".

1889 год

"Внутренняя работа в Льве Николаевиче и его жизнь"

И действительно, по внешнему отношению к людям понять Льва Николаевича было трудно. Зная наверное, что хорошо и что дурно, — всякое проявление дурного в людях и в себе он видел в преувеличенных размерах и страдал. Он ничего не прощал ни себе, ни другим, тем более нам, окружающим его...

Дурное чувство ко мне, к сожалению, проглядывает беспрестанно. Мы тогда измучили друг друга. Он точно ненавидел меня и за то страстное чувство, которому отдавался всеми силами своего сильного организма, и, вместе с тем любясь мной и моей молодостью, боялся за меня и сердился, что я возбуждаю в нем страсть. Какой-то был ложный, но тяжелый круг. Он писал "Крейцерову сонату", отрицал половую жизнь, а в дневнике своем писал в августе 1889 года: "Думал еще: ну, как родится еще ребенок? Как будет стыдно, особенно перед детьми. Они сочтут, когда было, и прочтут, что я пишу. И стало стыдно, грустно..."

Лев Николаевич всячески боролся с этой страстью, называл себя блудником, и, когда ему удавалось воздержаться, он радовался и писал еще как-то в марте: "Ночь провел хорошо. Ах, как бы всегда так! Поздно!..."

1889 год

"Нужна ли была эта вечная борьба, даже с женой? Тяжела она была, во всяком случае для обоих."

Лев Николаевич сурово и строго воспитывал себя, это видно по его дневникам. Он стремился к совершенствованию себя и анализировал малейшие движения своей души.

Яркий свет, исходящий из разума и обращенный на все тяжелое, жестокое, несправедливое в жизни, работал на добро, на совершенствование. Повышенная чувствительность воспринимала впечатления, а чувство, сердце оставались холодны. Если сделать вывод только из всего того, что писал в дневниках Лев Николаевич, — он никого не любил, разве только своих дочерей, особенно радуясь сочувствию ему Маши...

Писал Лев Николаевич тогда мало. Поправлял изредка "Крейцерову сонату", брался и за комедию, о которой отзывался, что она ему стала противна. К статье об искусстве он тоже возвращался, читал мысли об искусстве Платона, но больше проводил время вне дома. То пахал, то сажал, волнуясь, что было ветрено, что семена разносило и они плохо взойдут. Уставал ужасно и чувствовал себя слабым. Тогда он брал корзину и отправлялся за грибами, говоря, что собиранье грибов ему заменяет охоту, которую он так любил...

И, конечно, цензоры не оставили читателям самобичевания Толстого в дневниках, которые обильно цитировала Софья Андреевна: "Пишет 9 августа 1890 г.: "Я не хорошо настроен: эгоизм, похоть, слава человеческая — всей этой скверны — полно. Помогите мне, Отец..."

Мемуары Софьи Андреевны Толстой, если их издать без купюр, с полным комментарием научных сотрудников Музея на Пречистенке, могут иметь шумный успех.

В студенчестве мы лихо пели песни про то, как Лев Николаич Толстой ходил по деревне босой. Воспоминания полны самых пикантных подробностей из частной жизни не гения, а просто человека с очень сложным характером. Музей Льва Толстого с готовностью и благодарностью рассмотрит предложения спонсоров по изданию "Моей жизни".

Материал подготовила Наталья ДАРДЫКИНА.

"МК" благодарит научных сотрудников музея Льва Николаевича Толстого за предоставленные материалы. Вчера в музее Л.Н.Толстого начались чтения, посвященные 170-летию со дня рождения великого писателя. Лучшие и следовательно творчества русского гения выступают с докладами и сообщениями. Иные темы пересекаются с сегодняшним днем и заглядывают в будущее. Так, Л.Опальская-Громова говорила об уроках Льва Толстого XXI века; А.Газинова посвятила исследование идее "свободознания" в прозе позднего Льва Толстого. Сегодня будут прочитаны главы из книги И.В.Толстого и С.В.Светланы-Толстой "Пути и судьбы. Из семейной хроники".